

М. А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков.

— М., «Наука», 1971, 342 стр.

Монография М. А. Кумахова «Словоизменение адыгских языков» является продолжением его исследования «Морфология адыгских языков. I — Введение, структура слова, словообразование частей речи» (Нальчик, 1964). Обе работы носят сравнительно-описательный характер, но вместе с тем целый ряд вопросов освещается и в историческом аспекте. Вопросы сравнительной морфологии адыгских языков с учетом данных их диалектов в таком полном виде впервые представлены в названных работах.

Рецензируемой монографии М. А. Кумахова предшествовала основополагающая работа по сравнительной морфологии абхазско-адыгских языков Ж. Дюмезиля¹, где был произведен сравнительный анализ трех подгрупп абхазско-адыгских языков — абхазского, убыхского и адыгских языков (данные абхазского и убыхского языков сопоставляются с соответствующими данными адыгских языков, адыгейского, или абадзехского, и кабардинского языков); здесь еще, однако, не ставилась цель изучить адыгские языки в сравнительно-историческом плане. Это объяснялось прежде всего тем, что в тот период отдельные адыгские языки были исследованы недостаточно и совершенно ничего не было известно относительно диалектных особенностей перечисленных языков.

Рецензируемая книга состоит из краткого «Предисловия» (стр. 3—4) и 13 глав, в которых освещены вопросы словоизменительных морфологических категорий как имен, так и глаголов. Как известно, адыгские языки, как и другие абхазско-адыгские языки, характеризуются сложной системой глагола и довольно простой системой имени. Поэтому читатель мог ожидать, что в рецензируемой монографии больше места займут вопросы глагола, чем имени. В книге, однако, больше места уделено вопросам категорий имен. И это вполне естественно. В этих языках спорных, неразрешенных вопросов больше в разряде имен, чем в разряде глаголов.

Главной заслугой автора рецензируемой монографии является то, что в ней затронуты все основные вопросы морфологии адыгских языков, из которых многие поставлены впервые и разрешены правильно. Автор стоит на прочных научных позициях, в результате чего все его положения, и даже спорные, вызывают большой интерес.

Первая глава (стр. 5—35) посвящена общей для имен и глаголов категории чис-

ла. Автор ставит ряд вопросов, касающихся функции и генезиса суффиксов *-э* (глагола и имени) и *-мэ* (имени). Убедительным представляется мнение автора, согласно которому *-мэ* следует считать нейтральным в отношении числа показателем эргатива (стр. 34). Во второй главе «Категория определенности — неопределенности» (стр. 36—46) наглядно показано, что суффикс эргатива *-м* постепенно теряет функцию определенности, которая лучше сохранилась в форме твор. падежа, например: каб. *ручкэ-м-чIэ стхыш* // *ручкэ-чIэ стхыш* «написал ручкой», где *-м* — показатель определенности (стр. 40). Иногда же суффикс *-м* не имеет ни функции определенности, ни функции падежа — это бывает в форме твор. падежа (с суффиксом *-чIэ*) неопределенных местоимений — *зыгуэрэ-м-чIэ* // *зыгуэрэ-чIэ* «кем-то; чем-то». По мнению автора, «наличие или отсутствие форматива *-м* может быть связано с делением имен существительных на класс человека и класс вещей. Ср., например, в кабардинском языке: *Зыгуэрэ-чIэ фымыаразымэ жыфIэ* „Если вы чем-то недовольны, скажите“, *Зыгуэрэ-м-чIэ фымыаразымэ жыфIэ* «Если вы кем-то недовольны, скажите» (стр. 137). В самом деле, подобные случаи встречаются в тех иберийско-кавказских языках, в которых морфологическая категория грамматических классов человека и вещи уже отпала, продолжая сохраняться семантически, иногда как вторичное явление она (эта категория) может возникнуть морфологически и новыми средствами. Так, в картвельских языках, например в грузинском, нейтральный суффикс *-el* стал выражать класс человека (*каx-el-i* «кахетинец»), а нейтральный суффикс *-ur* стал выражать класс вещей (*каx-uri* [γvino] «кахетинское [вино]») ².

Автор находит также примеры, когда и суффикс номинатива *-р* лишен функции определенности (например, в пословице каб. *хьацIэр шхэмэ бжэм йоплэ* «Если гость поел, то смотрит в дверь», стр. 42).

В главе третьей «Категория притяжательности» (стр. 47—58) автор высказывает мнение, что категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, характерная для адыгейского языка, сложилась на общеадыгской языковой почве (стр. 57), а не в древнейшую эпоху, как это утверждал, например, Н. Ф. Яковлев. Считая противопоставление двух посессивных форм сравни-

² См. об этом: А р н. Ч и к о б а в а, Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси, 1942, стр. 262 (на груз. яз., резюме на русск. и англ. яз.).

¹ G. D u m é z i l, Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-ouest, Paris, 1932.

тельно поздним явлением, мы могли бы добавить, что оно не общеадыгского, а только лишь адыгейского происхождения.

В четвертой главе (стр. 59—169) подробно освещены узловые вопросы склонения имен адыгских языков. Ученые в довольно полном виде случаи применения падежных форм в адыгских языках. Разграничены артиклевые и падежные функции суффиксов *-р* и *-м*. Рассмотрено использование этих суффиксов в существительных (в том числе — в именах людей, в фамилиях, в географических названиях), в местоимениях и т. д. Особо отмечен случай, когда в адыгейском языке, как и в кабардинском, вопросительное местоимение, выступающее в функции субъекта, может оформляться суффиксом эргатива *-м*: адыг. *сыды-м кыльхыгъ мы бзылфыгъар?* «Что принесло сюда эту женщину?» (стр. 111).

Следует согласиться с автором книги, когда он отрицает генетическую связь суффикса эргатива *-ы* с омонимическим префиксом 3-го лица переходного глагола и префиксом органической принадлежности имени (стр. 160). Вопрос о суффиксе эргатива *-ы* требует дополнительного исследования, поскольку в адыгских языках самостоятельно гласные *ы* и *э* исторически не выступали в качестве отдельных морфем. В адыгейском языке глагольный показатель 3-го лица — префикс *ы-* (*ы-Луагъ* «тот сказал то»), а также именной префикс *ы-* — показатель органической принадлежности (*ы-лэ* «его глаз») — восходят к дифтону *йь-*.

В этой же главе особое внимание уделяется склонению имен существительных с предикативными членами типа адыг. *сэры*, каб. *сэршъ*. В адыгейском языке, как правильно отмечает автор, «имена существительные в притяжательной форме обычно не оформляются формативом *-р*» (стр. 81), но как исключение в предложении, где в качестве предиката выступает личное или указательное местоимение, имя в посессивной форме представлено всегда с суффиксом им. падежа, ср. например, адыг. *Ашыгъуым уыгу умыгъэкIуды*, тля. *ашъ фэдизыр къыгъхъулагъэу уэ уычIалэр сэры* «В таком случае не беспокойся, мать, твой сын, который так много пережил, это я» (стр. 81). В самом деле, имя в притяжательной форме *уычIалэр* оформлено здесь суффиксом *-р*, но в сочетании с предикатом *сэры* (*уэры* и т. п.) оно по существу является причастием от стативского глагола (ср. *ар уычIал* «тот твой сын», но: *уэ уычIалэр сэры* «тот, который есть твой сын, это я»), а причастия от отгменных (как и от других) глаголов всегда представлены с падежными окончаниями.

В адыгских, как и других иберийско-кавказских, языках вопросительные местоимения подразделяются на местоиме-

ния класса человека (*хэт?* «кто?») и класса вещей (*сыд?* / *сыт?* «что?»). Как показывает автор, «в кабардинском языке исключение составляет сочетание *сыт?* „что?“ с глаголом *кыльхуын* „родить“, где местоимение класса вещей соотносится со словом *сабий* „ребенок“, ср. *сыт кыльхуа* „кого“ она родила?“ (букв.: „что“ она родила?“). Несколько иначе обстоит дело с противопоставлением вопросительных местоимений в обстоятельном падеже. Как известно, классное деление имен существительных утрачивает свою силу именно в обстоятельном падеже. Местоимение класса вещей *сыт* „что“, в форме обстоятельного падежа заменяет местоимение класса человека *хэт* „кто“, ср., например, каб. *Хэт къэкIуар?* „Кто пришел?“, но *Сыту лэ-жъэрэ?* „Кем он работает?“, *Сыту жаха?* „Кем его выбрали?“ (стр. 148). Примечательно, что аналогичные явления наблюдаются и в каргелских языках. Таковы, например, грузинские сочетания вопросительного местоимения с глаголом «родить» *რა ზეე ჯინა? / რა დაებადა?* «кто родился у нее?» (буквально: «что родился у нее?»), нейтрализация в обстоятельном падеже семантической категории класса вещей — груз. *რად მუშაობს?* «кем работает?» (буквально: «чем работает?»), *რად აირჩიეს?* «кем выбрали его?» (буквально: «чем его выбрали?»).

В рецензируемой монографии ставится ряд частных вопросов, не поддающихся пока объяснению. Так, например, в кабардинском языке как в нарицательных существительных, так и географических названиях обычны синтаксические конструкции типа *уыны-м-чIэ макIуэ* «идет в сторону дома», *Лескен-чIэ макIуэ* «идет в сторону реки Лескена», но личные имена и фамилии не могут иметь такой конструкции — здесь суффикс *-чIэ* присоединяется не непосредственно к антропониму, но к послелогу *дежъ* «к», например: *БетIал дежъчIэ макIуэ* «идет в сторону Бетала», *ЧIышъокъуэм дежъчIэ макIуэ* «идет в сторону Кешокова» (стр. 134).

Правомерно, когда автор рецензируемой книги союзные частицы (соединительные формы) относит к числу предметов морфологии. Этот вопрос с достаточной полнотой разрешен в пятой главе «Соединительные формы» (стр. 170—183).

Отдельная — шестая — глава (стр. 184—193) посвящена звательной форме имен. Убедительно утверждение автора, что звательную форму имен в адыгских языках нельзя рассматривать как самостоятельный падеж.

Особый интерес представляет седьмая глава книги «Категория переходности — непереходности» (стр. 194—209). Кроме каузативного префикса *гъэ-*, здесь рассматриваются и другие способы транзитивации глаголов — префикс *уь-*, преверб *къэ-* и другие. В связи с категорией

переходности автор довольно подробно останавливается на аблаутных чередованиях глагольных гласных.

На основе сравнения глаголов лабильной конструкции адыгских языков автор склонен думать, что в кабардинском языке происходит более сильный процесс стабилизации лабильных основ глаголов (стр. 208).

В восьмой (стр. 210—225) и девятой главах (стр. 226—241) соответственно рассматриваются в сравнительно-историческом плане категории времени и наклонения адыгских языков. Опираясь на проведенный анализ этих важнейших разделов глагола, автор приходит к заключению: «К эпохе дифференциации общеабхазоадыгский язык не обладал сложившейся системой времен и наклонений. Этим и объясняется разнородность основных единиц, выступающих в функции форм времен и наклонений в абхазоадыгских языках. Хотя некоторые формы могут быть возведены к общеабхазоадыгскому единству, оформление системы времен и наклонений в абхазоадыгских языках должно быть отнесено к периоду их индивидуального развития» (стр. 324). Следует признать, что такой вывод соответствует фактическому положению вещей.

Так, например, глагольный суффикс *-н* — общеабхазскоадыгского происхождения, но этот суффикс в различных языках выражает разные времена: в адыгских языках — будущее время (адыг. *сы-кIуа-н* «я пойду»), в абхазско-абазинских языках — прошедшее время (абх. *с-цо-н* «я шел»), в убыхском — настоящее время (убых. *сы-кIа-н* «я иду»). В абхазских пословицах, по Ж. Дюмезилу, суффикс *-н* передает «универсальность и перманентность»³. Следует полагать, что в общеабхазскоадыгский период суффикс *-н* выражал не то или иное определенное время, а некую «дновременную» категорию.

Относительно отрицательных форм глаголов (глава десятая, стр. 242—247), достоверным представляется мнение автора, что более разнообразные средства выражения отрицания в адыгейском языке являются не архаизмами, а поздними образованиями (стр. 244).

Главы одиннадцатая (стр. 248—254) и двенадцатая (стр. 255—322) соответственно посвящены вопросам категории лица глаголов адыгских языков и описанию строения глагольной парадигматики. Абхазско-адыгские языки в основном сходятся системой и порядком распределения личных аффиксов. Особенно это можно сказать в пределах ближайше родственных языков, где, как кажется на первый взгляд, имеет место полное

совпадение. Тем не менее, между адыгейским и кабардинским языками наблюдаются заметные расхождения, не замеченные другими исследователями. Так, например, «по сравнению с адыгейским языком в кабардинском языке омонимия субъектно-объектных форм получила широкое распространение» (стр. 279), поскольку в кабардинском глагол может употребляться, с одной стороны, без суффикса 3-го лица мн. числа субъекта или ближайшего объекта *-гэ*, а с другой — и без префикса косвенного объекта 3-го лица мн. числа *а-/я-*, тогда как в адыгейском эти категории всегда маркированы. Например: каб. *кыэдйэжэшъ* обозначает: 1) «он со мной ждал его», 2) «он со мной ждал их», 3) «они со мной ждали его», 4) «они со мной ждали их»; в адыгейском же каждому из этих значений соответствуют специальные формы — 1) *кыэдйэжэгъ* «он со мной ждал его», 2) *кыэдйэжэагъ* «он со мной ждал их», 3) *кыэдйэжэагъэх* «они со мной ждали его», 4) *кыэдйэжэагъэх* «они со мной ждали их» (там же). В результате указанные трехличные непереходные глаголы в кабардинском языке имеют 56 личных форм, а в адыгейском — 102 формы (стр. 278).

Особое внимание в книге уделено позиции показателя 3-го лица мн. числа (префикс *а-*) в адыгских многочисленных непереходных глаголах с превербом *кыэ-*. В случаях, когда субъект выступает в 1 и 2-м лицах, префикс *а-* находится не перед префиксом косвенного отношения (т. е. не после преверба *кы-*, ср., например: каб. *сы-кы-б-дэ-кIуашъ*, адыг. *сы-кы-б-дэ-кIуагъ* «я с тобой пришел»), а перед превербом *кыэ-* (каб. *с-а-кы-чIэры-ху-ашъ* «я от них отстал», ср. *кы-а-чIэры-ху-ашъ* «тот от них отстал»). Между тем, адыгейский глагол в соответствующих формах допускает свободный порядок следования префиксов *а-* и *кы-*, ср. *сы-кы-а-дэ-кIуагъ* = *с-а-кы-дэ-кIуагъ* «я с ними пришел», *сы-кы-а-фэ-кIуагъ* = *с-а-кы-фэ-кIуагъ* «я для них пришел», *уы-кы-а-дэ-кIуагъ* = *у-а-кы-дэ-кIуагъ* «ты с ними пришел», *уы-кы-а-фэ-кIуагъ* = *у-а-кы-фэ-кIуагъ* «ты для них пришел» (стр. 254). Двенадцатая глава снабжена таблицами парадигм глагольного спряжения, в которых выделены личные и другие префиксы одноличных и многочисленных глаголов (всего 17 таблиц).

По нашему мнению, выделенные автором в серии настоящего времени отдельные префиксы 1 и 2-го лиц каб. *со-*, *уо-*, *до-*, *фо-*; адыгейск. *сэ-*, *уэ-*, *тэ-*, *шэуэ-* в словоформах каб. *со-кIуэ*, *уо-кIуэ*, *до-кIуэ*, *фо-кIуэ*; адыгейск. *сэ-кIуэ*, *уэ-кIуэ*, *тэ-кIуэ*, *шэуэ-кIуэ* (стр. 258), содержат по две морфемы: в кабардинском *со-кIуэ* «я иду» *со-* состоит из префикса 1-го лица *с-* (< *сы*) и отдельного префикса — характеристики динамичности *о*

³ G. Dumézil, указ. соч., стр. 173—175.

(*уэ*), т. е. *с-о-кIуэ* < **сы-уэ-кIуэ*, соответственно *уо-кIуэ* «ты идешь» < **уы-уэ-кIуэ* и т. д., точно так же в адыгейск. *сэ-кIуэ* «я иду» *сэ-* состоит из *с-* (< *сы*) и характеристики динамичности *э* (< *уэ*), т. е. *с-э-кIуэ* < **сы-уэ-кIуэ* и т. д. Следовательно, кабардинский язык сохранил исходный вид динамичности *о-* (*уэ*). В кабардинском отчетливо видно, что в указанных глагольных формах *о-* (*уэ*) является отдельной морфемой, а не огласовкой согласных морфем *с-*, *у-*, *д-*, *ф-* (*со-*, *уо-*, *до-*, *фо-*): между личными аффиксами *с* (< *сы*), *у* (< *уы*) и характеристикой динамичности *о* может помещаться преверб направления *къэ*, например, *с-о-кIуэ* «я иду (туда)», но *сыкъ-о-кIуэ* «я иду сюда». Выделенные автором префиксы косвенного объекта 1 и 2-го лиц — адыгейск. *сэ-*, *уэ-*, *тэ-*, *шъуэ-*, каб. *зэ-* (< *сэ-*), *уэ-*, *дэ-*, *вэ-* (< *фэ-*), например, в словоформах адыгейск. *уыкъы-сэ-жагъ*, каб. *уы-къы-зэ-жашъ* «ты ждал меня» (стр. 268) — также содержат по две морфемы: *с-* — префикс косвенного объекта 1-го лица и *э-* (< *йэ-*) — префикс косвенного отношения.

В последней, тринадцатой, главе (стр. 323—329) М. А. Кумахов касается истории словоизменения, а также словообразования адыгских языков в сравнении с другими абхазско-адыгскими языками. К числу явлений общеабхазско-адыгского происхождения он относит из именных категорий категории определенности — неопределенности и притяжательности. Общеабхазскоадыгская категория определенности выражалась префиксальным способом. Данные адыгских языков считаются инновацией, а в более архаичной форме категории притяжательности сохранилась в абхазском, в абазинском и убыхском языках. На общеабхазскоадыгской почве образовались выраженные морфологически сочинительные союзы. Автор придерживается мнения, что «категория падежа образовалась после распада общеабхазоадыг-

ского языка... Сравнительный анализ материала показывает, что в абхазо-адыгских языках нет ни общей модели образования числа, ни генетически тождественной морфемы множественного числа, которая возводима к языку-основе... Основные принципы построения глагольной парадигматики также восходят к общеабхазоадыгскому языковому единству» (стр. 324). Общий материальный фонд основ в системе глаголов представлен в личных показателях, в аффиксах отрицания, каузатива (там же).

Досадно, что в такую солидную работу вкрались некоторые неточности. Таковы, например, адыг. *Сышъэ акъыл йылыт* (стр. 162); адыг. *къысэгъакIуэ* вместо *къэсэгъакIуэ*, *къыуэгъакIуэ* вместо *къэуэгъакIуэ*, адыг. *къыуэгъакIуэ* вместо *къэуэгъакIуэ*, *къышъуэгъакIуэ* вместо *къэшъуэгъакIуэ* (стр. 296); адыг. *скIуэгъ* вместо *скIуэгъэ* (стр. 147); *с-чъагъ* вместо *с-чъагъэ* (стр. 197); *джэгъуэгъ* вместо *джэгъуэгъэ* (стр. 256); *кIуа-гъ* вместо *кIуагъэ* (стр. 258); *с-хыгъ* вместо *с-хыгъэ*, *п-хыгъ* вместо *п-хыгъэ* (стр. 295); убых. *сышъан* вместо *шышъан* «мы становимся», *скIъан* вместо *шъкIъан* «мы идем», *аз-быйан* «они их видят» вместо «я их вижу» (стр. 200). На стр. 105 читаем: «Здесь собственное имя *Сурэат* при переходном глаголе *къыфэмIуагъэр* имеет нулевую форму; между тем как адыг. *къыфэмIуагъэр* «то, что она не смогла сказать» — непереходный глагол (точнее — причастие от непереходного глагола).

Работа М. А. Кумахова представляет собой большую научную ценность как новизной поставленных вопросов, так и разрешением их (в журнальной рецензии мы могли коснуться только некоторых из них). Рецензируемая книга, насыщенная богатым иллюстративным материалом из произведений адыгейских и кабардинских писателей и из фольклора, является значительным событием в адыговедении.

Г. В. Рогова

Е. А. Реферовская. Французский язык в Канаде.

— Л., «Наука», 1972. 215 стр.

Советская романистика получила первое монографическое исследование французского языка в Канаде. Книга Е. А. Реферовской излагает историю заселения Северной Америки и анализ языка франкоязычного населения Канады. В ходе исследования ставится и решается проблема лингвистического статуса анализируемого наречия. Рассматривая две существующие точки зрения на франкоканадский (как на самостоятельный язык и как на вариант французского), Е. А. Реферовская склоняется ко второму мне-

нию. Читатель имеет возможность убедиться в правомерности выдвигаемого положения, следуя достаточно убедительной системе доказательств, построенной на богатом языковом материале.

В книге четыре главы и небольшое заключение. Первая глава посвящена истории французов в Северной Америке и акадийцев в Луизиане. Во второй главе дается характеристика современного франкоязычного населения Канады и его языка. Последовательно показано различие, существующее между канадцами и